

РЕЛИГИЯ / RELIGION**Христианство в танском Китае: тексты и люди**

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224030111

Алексанян Армен Гургенович

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-7855-9651. E-mail: armengurgen@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.06.2024.

Аннотация:

Христианство-цзинцзяо — наряду с манихейством и зороастризмом — одно из т.н. «трех варварских учений» *сань и цзяо*, которые проникли в Китай примерно в одно и то же время. Все три учения смогли в той или иной степени адаптироваться к китайской культурной и социополитической среде и стать частью китайского религиозно-культурного ландшафта. Тем не менее фрагментарный характер обнаруженных текстов и неясный социально-политический статус этого учения крайне усложняют процедуру реконструкции как места *цзинцзяо* в китайском средневековом социуме, так и его идеологических и доктринальных особенностей, тем более что учение впитало в себя много даосских и буддийских элементов.

Такой крайне неопределенный характер *цзинцзяо* неизбежно сказывается и на характере исследований, приводя к возникновению натянутых объяснений и ошибочных выводов. В статье предпринимается попытка классифицировать исследование феномена *цзинцзяо* в танском Китае, выделив три условных основных этапа, охарактеризовать особенности каждого из них, указав на ключевые фигуры исследователей и их базовые работы, а также поставить или переформулировать ряд вопросов и проблем, которые неизбежно возникают в процессе изучения этого неоднозначного религиозного учения: вопросы лингвистического и филологического характера, включая текстологические и палеографические особенности текстов; проблема исторического контекста, неизбежно связанная с более широким культурным и политическим аспектом связей танского Китая с сасанидским Ираном и странами Шелкового пути; вопросы этнической и религиозной идентичности, которые в рассматриваемый период были далеко не однозначными; проблему причины упадка и исчезновения *цзинцзяо* в поздний период.

Ключевые слова:

христианство в Китае, династия Тан, дуньхуанские рукописи, *цзинцзяо*, источниковедение.

Для цитирования:

Алексанян А.Г. Христианство в танском Китае: тексты и люди // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 3. С. 161–176. DOI: 10.31857/S0131281224030111.

Интерес исследователей к феномену христианства в танском Китае (景教 *цзинцзяо*) возник почти сразу после обнаружения т.н. сианьской стелы в первой четверти XVII в.¹ Тем не менее вплоть до начала XX в., когда были обнаружены дуньхуанские христианские тексты, стела оставалась практически единственным источником информации о первых контактах христианских миссионеров с танским Китаем. Именно с момента обнаружения этих текстов (находящихся во фрагментарном состоянии) и возникло такое направление исследований, как изучение *цзинцзяо* в Китае эпохи Тан. Обнаружение в 2006 г. лоянского столпа с сутрами пополнило источниковедческий фонд исследователей

¹ Подробнее об истории открытия этого памятника и вызванного им энтузиазма среди ученых см.: Keewak M. The Story of a Stele. China's Nestorian Monument and Its Reception in the West, 1625–1916. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2008. 195 p.

цзинцзяо и придало новый импульс изысканиям, подняв немало вопросов и обнажив многочисленные проблемы в этой области.

Христианство-*цзинцзяо*, наряду с манихейством (摩尼教 *моницзяо*, 明教 *минцзяо*) и зороастризмом (祆教 *сяньцзяо*), относится современными исследователями (например, 林悟殊 Линь Ушу) к числу «трех варварских учений» (三夷教 *сань и цзяо*) — религиозных направлений, проникших в Китай примерно в одно и то же время (эпоха Тан). Все эти направления были тесно связаны с ираноязычными народами Западного края (西域 *Си юй*) и сумели в той или иной степени адаптироваться к китайской культурной, религиозно-идеологической и социально-политической среде, став частью культурного ландшафта Китая. Неслучайно также и то, что фрагменты текстов *цзинцзяо* были обнаружены одновременно и почти в одном и том же месте с манихейскими китайскими фрагментами, что только подтверждает довольно глубокий уровень их инкультурации в синоязычный социум.

Фрагментарный характер текстов и их довольно неясное положение в религиозно-идеологической картине мира танского Китая весьма усложняют процедуру реконструкции и определения как истории этих учений (от «проникновения» до утверждения в качестве сколь-либо значимой социально-религиозной институции), так и их характера (в первую очередь по причине их крайней насыщенности даосско-буддийской и традиционной конфуцианской терминологией). Такое положение дел неизбежно сказывается и на исследованиях, создавая зачастую видимость непрерывной и успешно адаптированной традиции, что представляется в лучшем случае сильным преувеличением. В связи с этим представляется нелишним сделать историографический обзор сложившихся к настоящему времени исследований и попытаться выделить их основные направления, а также предложить новые векторы исследований феномена *цзинцзяо* в танском Китае.

Условно в истории изучения *цзинцзяо* в Китае можно выделить три направления: *источниковедческое* (текстологические, палеографические исследования текстов), *изучение отдельных фактов или деталей* (*case studies*, подобные многочисленным попыткам идентифицировать имя «крестителя Китая» Алобэня), *идеологическо-догматическое* (попытка обнаружить формы и трансформации христианских теологических концепций в текстах, например триадологию, христологию и т.д.) и *контекстуальное* (попытка вписать историю *цзинцзяо* в историю Церкви Востока и историю церкви и христианской проповеди в целом). Поскольку в сфере изучения *цзинцзяо* с историографической точки зрения наблюдается относительная преемственность и эволюция, целесообразно выделить несколько этапов этого процесса, позволяющих представить себе, как развивалось это направление исследований, какие вопросы и задачи ставили себе ученые в рамках той или иной парадигмы. Следует также отметить, что более массовое и активное включение в исследовательский процесс (пусть и на более позднем этапе) китайских исследователей значительно обогатило область изысканий, не в последнюю очередь благодаря большому прогрессу в сфере как вспомогательных исторических дисциплин (главным образом палеографии и хронологии), так и отдельных областей исторического и филологического знания. Наблюдаемая в последнее время тенденция к международному сотрудничеству в этой области, несомненно, способствует дальнейшему прогрессу. Немаловажную роль здесь, на наш взгляд, играет критическая позиция китайских исследователей, во многом подвергающих сомнению или оспаривающих выводы западных или японских ученых, доминировавших в этом направлении до недавнего времени. Хронологически историю изучения *цзинцзяо* можно разделить на три этапа: 1) с обнаружения дуньхуанских свитков (ок. 1907 г.) до середины 40-х гг. XX в.; 2) с 1960-х по 1980-е гг.; 3) с начала 1990-х гг. по настоящее время.

К настоящему времени общепризнано существование 10 документов, содержание которых подавляющее большинство исследователей считает христианским (необходимо повторить, что все эти документы носят более или менее фрагментарный характер):

1. 世尊布施論第三 «Трактат о милосердии Почитаемого в мире, часть 3»,
2. 一天論第一 «Трактат о едином небе, часть 1»,
3. 喻第二 «Притчи, часть 2»,
4. 大秦景教宣元本經 «Основной канон дациньского лучезарного учения, изыскующий начало»,
5. 序聽迷詩所經 «Канон о слушании [учения] Мессии»,
6. 大秦景教三威蒙度讚 «Славословие дациньского лучезарного учения трем великим [т.е. Троице] [в благодарность за] обретение спасения»,
7. 尊經 «О почитаемых [лицах] и священных писаниях-сutraх»,
8. 志玄安樂經 «Канон о сокровенном покое»,
9. 大秦景教大聖通真歸法讚 «Славословие дациньского лучезарного учения полному возвращению Премудрого к Закону». Относительно двух последних сочинений выдвигаются гипотезы о том, что они могут быть подделками.
10. Открытый в 2006 г. «Лоянский столп с сутрами» показывает соответствие тексту № 4 (大秦景教宣元本經).

Обнаружение и публикация перечисленных документов (за исключением последнего) происходили в период с 10-х по 40-е гг. XX в., и именно этим фактом обусловлено определение первого периода исследований *цзинцзяо*. Примечательно, что введением этих текстов в научный оборот и первыми попытками их интерпретации на строгом историко-филологическом уровне мы обязаны двум японским исследователям — Ханэда Тору (羽田亨; первая публикация, посвященная текстам *цзинцзяо*, датируется 1918 г.) и Ёсиро Саэки (佐伯好郎; первая публикация его капитального труда на английском языке относится к 1916 г., переиздана в 1928 г.²). В 1924 и 1930 гг. появляются первые обобщающие статьи выдающегося китайского историка и текстолога Чэнь Юаня (陳垣), в которых предпринята попытка реконструировать историю проникновения христианства в Китай с опорой как на собственно китайские (в т.ч. и сами тексты *цзинцзяо*), так и на внешние источники (латинских и греческих авторов). В 1930-е гг. на западе появляются публикации У. Дрейка, Дж. Фостера и А.К. Мула, заложившие основы достаточно серьезного источниковедческого подхода к проблеме истории *цзинцзяо* (нужно отметить, что работа А.К. Мула во многом не устарела и по сей день). Несомненным и значительным вкладом в изучение феномена китайского христианства были, разумеется, работы П. Пелльо.

Вторая мировая война прерывает исследования и публикации, посвященные источникам и истории *цзинцзяо* (тем не менее с 1943 по 1949 г. в Японии выходят четыре тома исследования по «несториянству» в Китае Ёсиро Саэки), и только с 1960-х гг. можно говорить о втором этапе в изучении раннего китайского христианства. Начальный период этого этапа ознаменован репринтным воспроизведением труда Саэки (1951 г.). С одной стороны, этот труд стал межевым камнем в области исследования христианской миссии на Дальнем Востоке как основная работа незападного исследователя на английском языке, содержащая переводы текстов *цзинцзяо* и в силу этого доступная для исследователей-некитаистов (об этом свидетельствуют сделавшиеся почти ритуальными ссылки на нее в работах по истории христианства на Востоке). С другой стороны, труд Саэки воспринимался как своего рода образец и ориентир (в силу своей во многом искусственной систематичности изложения и истолкования — опять-таки во многом натянутого — китайских христианских текстов. Тем самым этот же труд стал своеобразным сдерживающим фактором для самостоятельного и критического рассмотрения источников, будучи

² Saeki P.Y. Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo: Maruzen, 1951. 535 p.

Условный третий этап, с начала 90-х гг. прошлого столетия, ознаменовался резким, взрывным ростом интереса исследователей-китаистов к феномену *цзинцзяо* в Китае. Это привело к началу переосмысления не только самих текстов и источников, но и методов — наметился поворот к междисциплинарному и коллективному подходу, что выразилось в первую очередь в проведении международных конференций и публикации материалов этих конференций. Примечательно, что всплеск интереса исследователей к истории и текстам *цзинцзяо* совпал с подъемом и пересмотром сириологических и среднеиранских штудий, с наметившимся и в этих областях поворотом к междисциплинарности, своего рода открытости этих областей друг другу. Неудивительно поэтому, что наиболее плодотворные и интересные результаты были получены именно в ходе кооперации ученых-синологов с их коллегами иранистами и сириологами, а также со специалистами в области истории церкви и религиоведения вообще. Предпринимаются вполне успешные попытки рассмотреть китайское христианство в контексте распространения этого учения не только в Китае, но и в центральноазиатском регионе — достаточно упомянуть коллективные монографии под редакцией Ли Тан и Д. Винклера 2013⁴, 2016⁵, 2020⁶ и 2022⁷ гг. и сборник под редакцией Р. Малека 2022 г.⁸ Вышел капитальный справочник по

⁷ Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.). *Silk Road Traces. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2022. 423 p.

истории христианства в Китае под редакцией Н. Стандарта (первый том — 2001 г.)⁹. Осуществлен ряд новых комментированных переводов китайских христианских текстов: работа Ли Тан 2002 г., вызвавшая справедливую критику¹⁰; труд М. Николини-Дзани 2022 г., включающий полный перевод всех текстов *цзинцзяо* и сопровождающийся подробным историко-филологическим комментарием с вводной исторической частью¹¹; капитальное исследование М. Дега 2018 г., посвященное новому и критически пересмотренному переводу сианьской стелы, вписанной в контекст истории христианства в танском Китае¹². Среди работ китайских исследователей следует упомянуть работы покойного ныне Линь Ушу (林悟殊), общепризнанного мэтра в области изучения «иноземных» религий в Китае (2003 г.¹³, 2005 г.¹⁴); комментированные переводы на современный китайский язык Вэн Шаоцзюня (翁绍军), вызывающие справедливую критику в некоторых аспектах (1995 г.)¹⁵; новое критическое издание текстов *цзинцзяо*, осуществленное Ван Ланьпином (王兰平) в 2016 г.¹⁶, не говоря уже о множестве статей, посвященных различным вопросам текстологического и историко-источниковедческого характера.

Что касается отечественной синологии, то здесь ситуация, к сожалению, намного хуже: имеющиеся публикации носят спорадический характер. Из работ специалистов-синологов следует упомянуть статью Е. Кычанова 1978 г., содержащую фрагментарный перевод сианьской стелы¹⁷, работы А. Ломанова¹⁸, носящие в том, что касается *цзинцзяо*, скорее обзорный характер, а также ряд других публикаций. Однако нередко работы, посвященные *цзинцзяо*, написанные не синологами, а специалистами по истории христианства или сириологами, и опираются не на оригинальные тексты на китайском языке, а, как правило, на западные переводы (в основном представленные в упоминавшейся работе Сазки) и тем самым воспроизводят устаревшие, а зачастую и ошибочные интерпретации текстов и исторические сведения.

Очевидно, что с начала XX в. и до настоящего времени исследования *цзинцзяо* в танском Китае достигли действительно больших успехов. Тем не менее, нам представляется, пока еще нет оснований считать, что сложилось направление изысканий, подобное манихееведению, оформившемуся в отдельную дисциплину примерно в то же время (начало 90-х гг. XX в.). Несмотря на проводимые конференции и издаваемые тематические

⁸ Malek R., Hofrichter P. (eds.) *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Nettetal: Steyler Verlag, (Collectanea Serica), 2006. 701 p.

⁹ Standaert N. (ed.). *Handbook of Christianity on China*. Vol. 1: 635–1800. Leiden-Boston-Köln: Brill, 2001. 952 p.

¹⁰ Li Tang. *A Study of the History of Nestorian Christianity in China and Its Literature in Chinese*. Together with a New English Translation of the Dunhuang Nestorian Documents. Peter Lang, 2002. 230 p.

¹¹ Nicolini-Zani M. *The Luminous Way to the East. Texts and History of the First Encounter of Christianity with China*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 399 p.

¹² Deeg M. *Die Strahlende Lehre. Die Stele von Xi'an*. Wien: LIT Verlag, 2018. 299 p.

¹³ 林悟殊: 唐代景教再研究 [Линь Ушу: Новые исследования *цзинцзяо* танской эпохи]. 北京: 中国社会科学出版社, 2003年. 405 页.

¹⁴ 林悟殊: 中古三夷教辩证 [Линь Ушу: Изыскания и исследования о трех варварских учения средневековья]. 北京: 中华书局, 2005年. 479 页.

¹⁵ 翁绍军: 汉语景教文典诠释 [Вэн Шаоцзюнь: Комментированный перевод китайских текстов *цзинцзяо*]. 北京: 生活·读书·新知三联书店出版, 1996年. 215 页.

¹⁶ 王兰平: 唐代敦煌汉文景教写经研究 [Ван Ланьпин: Исследования дуньхуанских христианских письменных текстов китайского письма]. 北京: 人民出版社, 2016年. 357 页.

¹⁷ Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // *Палестинский сборник*. 1978. № 26 (89). С. 76–85.

¹⁸ См., напр.: Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: ИДВ РАН, 2002. 446 с.

сборники, область изучения христианства в танском Китае пока представляет собой своего рода *tembra disjecta*, что, на наш взгляд, связано с несколькими весьма существенными факторами. Прежде всего большинство исследований, особенно обобщающего характера, связанных с распространением христианства в Центральной Азии и ираноязычных областях, часто проводятся не Китаистами. Иранисты, сириологи, историки церкви вынуждены опираться на уже имеющиеся на западных языках переводы источников и, таким образом, следуют за навязываемой переводчиками интерпретацией ситуации. С этим же тесно связан и тот феномен, который можно было бы условно назвать «фродовым проклятием Сазки». Исследования обобщающего характера (но не только) двигаются в заданной Ёсиро Сазки стройной и многообещающей (но совершенно несостоятельной по факту) парадигме не только последовательного проникновения и успеха христианской проповеди в танском Китае, но и создания там вполне устойчивой и продуктивной церковной структуры, что совершенно не подтверждается имеющимся в наших руках материалом. Априорно выдвинутая Сазки идея успешного и плодотворного «обращения Китая» (продиктованная, разумеется, его религиозными предпочтениями) удачно вписалась в область церковно-исторических исследований, в особенности касающихся «крайне-восточного» распространения христианства, создав впечатление действительно четкой и непротиворечивой картины, что совершенно не соответствует действительности, как она видится непредвзятому исследователю — историку религий и филологу. Во многом такое расположение к теории Сазки определяется опять-таки конфессиональным фактором: большинство исследователей общего характера (У. Гарднер, Р. Малек, Г. Климайт) так или иначе связаны с христианскими институтами, немалое число ученых имеет священнический или монашеский сан (например, М. Николини-Дзани), что в общем несомненно оказывает влияние на их взгляды и подход к изучаемому явлению. Сторонникам «целостной» картины распространения христианства в Центральной Азии и в Китае противостоит (возможно, неэксплицитно) крайне небольшая и довольно разрозненная группа исследователей (М. Деег, Сунь Цзяньцян, сюда можно отнести и некоторые критические высказывания покойного Линь Ушу и Маттео Николини-Дзани). Эти исследователи смотрят на явление *цзинцзяо* более критически, справедливо полагая, что прежде чем приходить к обобщениям и выводам, необходимо пересмотреть имеющиеся у нас материалы и попытаться критически понять их, не следуя заранее заданному вектору «победоносного» шествия христианства по странам Азии. В любом случае можно сделать вывод о том, что изучение *цзинцзяо* как отдельная дисциплина, «научная парадигма» (пользуясь терминологией Т. Куна), находится пока еще в своем формативном состоянии. Это обусловлено тем, что предыдущая парадигма (которую условно можно назвать «парадигмой Сазки») оказалась незавершенной, чем, собственно говоря, и вызваны многочисленные «общие места», порой буквальное насилие над текстом и, соответственно, немногочисленная, но довольно объективная критика.

Все вышеизложенное заставляет вдумчивого и критически настроенного исследователя предпринять попытку пересмотреть уже имеющиеся выводы и решения проблем. Можно также попытаться сформулировать новые вопросы или хотя бы посмотреть на имеющиеся под иным углом зрения, учитывая действительно впечатляющие успехи, которые достигнуты в таких областях гуманитарного знания, как история религий, историческое языкознание, текстология и палеография и т.п. Попробуем и мы сформулировать (или хотя бы наметить) некоторые вопросы, неизбежно возникающие в процессе изучения документальных источников по истории *цзинцзяо* в танском Китае, а также предложить возможные способы их решения и наметить новые векторы направления исследований.

Вопросы филологического и лингвистического характера

Прежде всего следует отметить, что до сих пор так и не осуществлена работа по критическому изданию текстов *цзинцзяо*¹⁹. Об этой проблеме писал М. Деег, с полным основанием утверждавший, что прежде чем осуществлять новый перевод памятников *цзинцзяо* (в его терминологии *re-translation* — в противовес неудовлетворительным и часто насилующим оригинальный текст имеющимся переводам), необходимо провести крайне кропотливую текстологическую работу. В процессе этой работы нужно учитывать не только палеографические особенности сохранившихся фрагментов (ошибки переписчика, употребление «табуированных» знаков-*бихуй* (避讳) вместо нормативных, проведение критической процедуры пунктуации и разбивки текста), но и возможные заимствования из буддийской и даосской литературы, прямые цитаты, параллельные места и аллюзии. Имеющиеся в настоящее время электронные базы данных буддийских по преимуществу текстов (СВЕТА, электронное издание дунхуанских *бяньвэней* (变文)) при всем грандиозном объеме включенного в них материала не отвечают, к сожалению, требованиям критики текста. Так, нередко вместо одних иероглифов, имеющих в печатных или рукописных версиях, в электронных базах данных вставлены другие и т.п. Таким образом, проблема критического издания текстов *цзинцзяо* усугубляется отсутствием критически изданных буддийских и даосских текстов, сверку с которыми следовало бы проводить и массово (просмотр и поиск по всем текстам), и точно (работа с текстами конкретных периодов или жанров).

Следующим вопросом, вполне закономерно возникающим в связи с предыдущим, является проблема атрибуции текстов. Учитывая их фрагментарный характер и отсутствие не только архетипа (в текстологическом смысле), но и списков, восстановить их изначальный вид и определить жанровую принадлежность (как это делается в классической филологии) весьма затруднительно. Кроме того, возникает резонный вопрос, являются ли эти тексты переводами или это самостоятельные произведения. Утверждения о том, что это переводы не выдерживают, на наш взгляд, критики в силу отсутствия источников перевода (и, разумеется, вышеупомянутого фрагментарного характера самих текстов). Следовательно, логично сделать вывод, что мы имеем дело с текстами более или менее оригинальными, написанными носителями китайского языка для китаезычных же читателей/слушателей.

Отсюда вытекает проблема анализа языка данных произведений, которую странным образом авторы практически всех исследований обходят стороной, хотя именно в этой области, как нам кажется, и лежит корень решения многих проблем касательно текстов *цзинцзяо*. При всей очевидной сложности (и лексической, и синтаксической) текстов, большинство исследователей игнорируют эту проблему, автоматически принимая и палеографический выбор иероглифов, и разбивку текста, и в итоге его интерпретацию, предложенные Сазки (альтернативные варианты, предложенные Ло Сянлинем, к сожалению, тоже вызывают вопросы). Большинство этих исследователей даже не задается вопросом, на какой разновидности китайского языка были составлены данные тексты, тогда как это может помочь понять особенности и синтаксической структуры данных текстов, и выбор лексики, и специфику фонетической передачи иноязычных имен и слов средствами такого языка с иероглифической письменностью, как китайский. Нам представляется верным сформулировать возможный ответ на данный вопрос следующим образом: тексты *цзинцзяо* (за исключением, пожалуй, сиань-

¹⁹ Последняя работа Ван Ляньпина 2016 г. максимально приближается к высоким требованиям критики текста, хотя многое еще остается не до конца проясненным.

ской стелы) написаны на т.н. «буддийском гибридном китайском»²⁰. Речь идет о разновидности литературного среднекитайского языка, который сочетал элементы письменного *вэньяня* и разговорного *байхуа* и применялся в буддийской собственно китайской (непереводной) литературе, а также имел хождение в буддийских общинах. В связи с этим его вполне уместно определить как религиолект, т.е. разновидность языка, используемая в определенной социально-религиозной группе, например в общине верующих, среди служителей религиозного культа, монахов и т.п. Анализ исследований этой разновидности языка (начавшихся сравнительно недавно и находящихся пока на этапе становления как отдельной дисциплины) может многое объяснить в специфике не только собственно лингвистического характера текстов, но и в социально-религиозной принадлежности его автора/ов и читателей/слушателей.

Следует также отметить отсутствие каких бы то ни было исследований, посвященных лексике и терминологии, применяемой в данных текстах, в отличие от манихееведения, где составлены вполне солидные словари, учитывающие лексику текстов восточного манихейства на всех зафиксированных языках (иранские, семитские, тюркские, коптский, греческий, латынь и, разумеется, китайский²¹). Принимая во внимание буквально идентичное заимствование целых фраз из манихейских текстов в текстах христианского содержания на китайском языке, было бы интересно провести сопоставительный анализ их количества и соответствия друг другу, а также буддийской и даосской терминологии. Примечательно, что в то время как буддийская лексика рассматривается в качестве основного источника манихейских и христианских текстов на китайском языке и для ее изучения учитываются все имеющиеся китайско-китайские и китайско-санскритские словари-конкордансы, даосская терминология почему-то ограничивается самыми расхожими цитатами из классических сочинений Чжуан-цзы и Лао-цзы, а весь корпус даосских текстов вроде «Дао цзана» (道藏; в т.ч. дуньхуанских текстов) или «Юнь цзи ци цянь» (云笈七签) остается незадействованным. Создание словаря, аналогичного словарю манихейских терминов, во многом способствовало бы углублению и расширению нашего понимания текстов *цзинцзяо* и того культурно-религиозного контекста, в котором они бытовали.

Сюда же можно отнести и проблему датировки данных текстов, которые являются поздними копиями с более ранних оригиналов (или даже копиями копий), не говоря уже об авторстве (так, Сунь Цзяньцян вполне обоснованно говорит о предпочтительности отказа (временного) от попыток датировки и установления авторства (что, скорее всего, просто невозможно с критической точки зрения)²². Можно надеяться, что более детальное изучение именно языковой стороны памятников поспособствует условному определению *terminus ante quem* и *terminus post quem* данных материалов, что опять-таки крайне сложно с учетом и фрагментарности текстов, и того, что они являются копиями (причем — единственными). Проблема поддельности двух документов, впервые выдвинутая Линь Ушу и безусловно принятая большинством исследователей, в последнее вре-

²⁰ См., напр.: Zhu Qingzhi, Li Bohan. The language of Chinese Buddhism. From the perspective of Chinese historical linguistics // *International Journal of Chinese Linguistics*. 2018. No. 5 (1). Pp. 1–32. DOI: 10.1075/ijchl.17010.zhu

²¹ См.: Mikkelsen Gunner B. Dictionary of Manichaean texts: Vol. III. Texts from Central Asia and China. Part 4: Dictionary of Manichaean Texts in Chinese. Brepols, 2006. 193 p.

²² Sun Jianqiang. The Earliest Statements of Christian Faith in China? A Critique of the Conventional Chronology of the *Messiah Sutra* and *On One God* // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2018. No. 18 (2). Pp. 133–152. DOI: 10.21866/esjeas. 2018.18.2.001

мя также подверглась сомнению²³, поэтому правильным будет считать, что данные тексты являются копиями с частично аутентичными фрагментами. Об этом, собственно, говорил и сам Линь Ушу, считавший, что как минимум 10 % текста в этих фрагментах — истинны, а остальные являются более поздней вставкой.

Проблемы исторического контекста

Как и всякое историко-культурное явление, феномен *цзинцзяо* в танском Китае имеет свое *Sitz im Leben* — место в общем культурном и историческом контексте. Авторы, посвятившие себя исследованию этого явления, в большинстве своем (в силу упоминавшихся конфессиональных установок и априорного принятия тезисов Саэки) увязывают и согласовывают свои изыскания в первую очередь с историей церкви и христианской проповеди (главным образом Церкви Востока, долгое время ошибочно именовавшейся «несторианством»). Изложение реконструируемой ими истории проникновения *цзинцзяо* в Китай строится с учетом уже известных фактов из церковной истории (базируясь преимущественно на сирийских источниках) и на доверии к сведениям, сообщаемым сианьской стелой. Таким образом, крестителем Китая признается Алобэнь (阿羅本), упоминаемый в тексте стелы, и его спутники, однако эти сведения (как и сама стела) представляются весьма проблематичными и не соответствующими собственно китайским историческим источникам этого периода. Датой пришествия христианства в Китай считается 635 г. (9 г. правления под девизом Чжэнь-гуань (貞觀), согласно тексту стелы), при том что сама стела была воздвигнута в 781 г., т.е. информация сообщается задним числом. При этом текст содержит совершенно невозможные факты вроде личного приема Алобэня императором Тай-цзуном, пожалования ему целого монастыря («построенного» для *цзинцзяо*, как сообщается в тексте стелы), придания целого сонма монахов. При этом в тексте используется слово *сэн* (僧), т.е. буддийский монах, что вызывает определенное недоумение. Почему христианскому миссионеру придали двадцать одного буддийского монаха? Были ли эти монахи новообращенными или оставались буддистами? Какова была их цель: помогать в переводах «священных сутр *цзинцзяо*» или наблюдать за новопривывшим миссионером? Описание невероятного благорасположения Тай-цзуна и его преемников (едва ли не лично принимавших участие в отправлении богослужения) вызывает не меньше вопросов. Насколько мы вообще можем доверять сведениям, сообщаемым сианьской стелой? Кем был Алобэнь? Основная масса исследователей склонялась к версии семитской формы его имени (Авраам, Раббан, Рувим и т.п.), тогда как наиболее правдоподобной представляется версия именно иранского происхождения (Ардаван или Артабан), в целом принимаемая большинством критически настроенных исследователей (например, Максом Деегом). Нам абсолютно не известен его статус: епископ? монах? купец? Каков был реальный статус перечисленных в сирийских надписях на стеле его спутников? Были ли действительно христианами монахами упоминаемые в китайском тексте Цзинцзин и другие, или это были буддийские монахи-толмачи, помогавшие в переводческой деятельности Алобэня? Сведения об успехах миссии Алобэня и его спутников, удивительное благорасположение танских владык, перевод огромного числа священных книг и возведение немалого количества храмов и монастырей должны, судя по всему, приниматься *cum grano salis*, поскольку мы не имеем не только документального, но и материального подтверждения этой информации. В сообщениях о пострадавших в результате т.н. гонений годов Хуй-чан (会昌毀佛, середина IX в.) христианах — названных, что при-

²³ Sun Jianqiang. The Earliest Statements of Christian Faith in China? A Critique of the Conventional Chronology of the *Messiah Sutra* and *On One God* // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2018. No. 18 (2). Pp. 133–152. DOI: 10.21866/esjeas. 2018.18.2.001

мечательно, да цинь, а не цзинцзяо — заставляет предположить, что их число было не настолько велико, как это представляет текст стелы. Из сохранившихся архитектурных сооружений с цзинцзяо может ассоциироваться, пожалуй, только Дациньская пагода²⁴. В результате закономерно возникает вопрос об историчности Алобэня, тем более что тексты цзинцзяо упоминают и созвучного «Лоханя», что вообще является передачей санскритского *архат*.

Возвращаясь к проблеме исторического и культурного контекста, можно заметить, что опирающиеся на церковно-исторические данные исследователи не учитывают в первую очередь именно собственно китайского аспекта: упор делается на сопредельные территории Центральной Азии, Ирана, но обходится стороной проблема дотанского христианства. В лучшем случае сообщается, что сведений о присутствии христиан в Китае в дотанскую эпоху не сохранилось, кроме пары совершенно легендарных и никак не верифицируемых упоминаний в византийских исторических источниках. Тем не менее необходимо помнить, что предшествующий эпохам Суй и Тан период Южных и Северных династий, будучи периодом весьма тесных контактов с инородческим населением «Западного края», по сути, заложил основы танского государства, в том числе и в сфере контактов с «варварским» населением Центральной Азии²⁵. Таким образом, культурная открытость танского Китая возникла не на пустом месте, но была обусловлена сложным и неоднозначным периодом Нань-бэй чао (南北朝). Принимая это во внимание, следовало бы подробнее изучить источники этого периода, касающиеся контактов с инородческими племенами и их религиями, что может дать интересные ответы на вопрос о существовании христианства в Китае до эпохи правления династии Тан. Перспективным представляется также и появившееся в последние годы направление исследований «позднеантичной Евразии»²⁶, предлагающее рассматривать период с III по VIII в. и территорию от Средиземноморья до Китая как относительно единую пространственную и временную общность с похожими социальными и политическими процессами и трансформациями, связанную между собой культурно-торговыми и военными «сетями». С этой точки зрения история проникновения христианства-цзинцзяо в Китай и его положение там могут получить самые неожиданные объяснения.

Проблема этнической и религиозно-идеологической идентичности

Прежде всего вопросы вызывает само название христианства в китайских источниках. До сих пор нет не только однозначного, но даже более-менее внятного объяснения названий цзинцзяо и дацзинь (大秦). Первое объясняется как «светлое, лучезарное учение», тогда как второе большинством исследователей без возражений принимается либо за Рим, либо за Сирию, либо за одну из восточных провинций Римской империи, хотя никаких для этого оснований, на наш взгляд, нет. Для чего использовать название китайской эпохи Цинь для обозначения Римской империи, внятно не объясняется. М. Деег в своих статьях справедливо указывает на описание в тексте стелы «дациньской земли» как «тридцатого царства» со всевозможными чудесами природы, никоим образом не соответствующее географическим реалиям восточно-римских провинций, и предлагает считать Дацинь чем-то вроде «заморской земли» типа царства Пресвитера Иоанна в кон-

²⁴ Подробнее см.: Keevak M. The Story of a Stele. China's Nestorian Monument and Its Reception in the West, 1625–1916. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2008. 195 p.

²⁵ 唐长孺: 魏晋南北朝隋唐史三论 [Тан Чанжу: Три очерка по истории эпох Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий, Суй и Тан]. 武汉大学出版社, 1992年. 498页.

²⁶ См., в частности: Di Cosmo, Nicola, Maas, Michael (eds.). Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 520 p.

тексте позднесредневековых «вымышленных земель». Так или иначе, но до сих пор нет аргументированного истолкования двух этих названий, тем более что китайские источники чаще используют слово *дацин* как название христиан, в то время как употребление термина *цзинцзяо* ограничивается собственно христианскими китайскими текстами. Можно предположить вслед за французской исследовательницей Пенелопой Рибу, выдвинувшей оригинальное истолкование китайского обозначения зороастрийцев и их учения *сяньцзяо* как фонетическую передачу среднеиранского *den* (учение; авестийское *Daena* как персонификация благого вероучения)²⁷, что *цзинцзяо* также могло передавать какой-либо иноязычный (иранский или семитский) термин, связанный с христианскими вероучительными догматами. Кроме того, постепенная смена названия с *цзинцзяо* на *дацин* может свидетельствовать о том, что первое могло вызывать нежелательные коннотации с манихейством *минцзяо*, тоже «светлым учением».

Сюда же примыкает вопрос об этнической и собственно религиозной идентичности последователей *цзинцзяо*. К настоящему времени большинство исследователей сходится во мнении, что христианами-*цзинцзяо* были по преимуществу некитайцы: представители ираноязычных народов (главным образом согдийцы) или лица смешанного происхождения (полукитайцы-полуиранцы). Эта точка зрения подтверждается данными эпиграфического характера (надгробия с эпитафиями, например эпитафия согдийцу Ми Цифэню (米继芬), занимавшему довольно высокий пост²⁸). Однако возникает вопрос, как воспринимали себя эти некитайцы-христиане и как воспринимало их собственно китайское население и власти? Учитывая, что такое явление, как этническая идентичность в танском Китае, было весьма неоднозначным²⁹, очень сложно утверждать с полной уверенностью, что последователи *цзинцзяо* считали себя находящимися вне китайской культурно-политической системы, особенно если принять во внимание, что некоторые из них добивались довольно высоких постов. Встает вопрос: не была ли их принадлежность к христианскому вероисповеданию формальной, номинальной? Если допустить, что *цзинцзяо* действительно выделяли себя из китайской культурно-этнической среды, то они должны были вести максимально замкнутую жизнь в своеобразных гетто и по возможности никак не соприкасаться с нехристианами и иранцами. Это довольно трудно себе представить, учитывая участие *цзинцзяо* в социальной и политической жизни на самых разных уровнях (от купцов и врачей до военачальников). Кроме того, в таком случае подобные замкнутые общины должны были бы пользоваться сирийским или как минимум согдийским языком в своей религиозной деятельности, а не прибегать к языку китайцев-нехристиан, чему противоречат китайские тексты *цзинцзяо*, написанные на китайском языке и для (как минимум) китаезычной аудитории.

Показательно и отношение официальных властей к последователям *цзинцзяо*, применительно к которым часто использовали термины «варвары, варварский» (胡 *ху*, 夷 *и*), «персидский» (波斯 *босы*). Христиан-*цзинцзяо* часто объединяли в одну категорию с манихеями (*минцзяо*, *моницзяо*) и зороастрийцами (*сяньцзяо*), в официальных текстах все они зафиксированы как *сань и* «три варварские [храма, учения]», «относящиеся к трем видам варваров-и».

С учетом вышеизложенного нам представляется более правильным принять точку зрения, согласно которой *цзинцзяо* уже на ранних этапах своего пребывания в

²⁷ Riboud P. Réflexion sur les pratiques religieuses désignées sous le nom de xian 祆 // E. de La Vaissière, E. Trombert (eds.). Les Sogdiens en Chine. Paris: EFEO, 2005. Pp. 73–93.

²⁸ См., напр.: Ge Chengyong, Nicolini-Zani, M. The Christian Faith of a Sogdian Family in Chang'an during the Tang Dynasty // AION. 2004. No. 64 (1–4). Pp. 182–196.

²⁹ См.: Abramson Marc S. Ethnic Identity in Tang China. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. 288 p.

Китае постепенно усвоило технику адаптации (инкультурации), вполне возможно от манихейства, с которым у него, как это ни парадоксально, оказывалось очень много общего, особенно в чуждой культурной среде. Прежде всего здесь, конечно, нужно отметить место, которое занимает фигура Иисуса в манихействе, а также общность многих терминов и идей, не говоря уже о том, что и христианство, и манихейство прибыли в Китай, судя по всему, из сасанидского Ирана или ираноязычных областей, что волей-неволей сближало их. Кроме того, взаимоотношения между представителями разных, порой антагонистичных учений в реальной жизни были вовсе не такими полемическими, как это представляют официальные тексты, например тексты в сасанидском Иране³⁰. В пользу этой же точки зрения говорят и обнаруживаемые в китайских христианских текстах почти дословные заимствования из манихейских источников. Таким образом, и христианство-цзинцзяо, и манихейство (возможно, и зороастризм-сяньцзяо, но маловероятно, учитывая эксклюзивный характер этого вероучения) могли постепенно превратиться в определенное симбиотическое образование этнорелигиозного (согдийцы и их смешанные с китайцами, китайскоязычные потомки) и социального характера, взаимопроникавшее друг в друга и обладавшее общими чертами. В пользу этой версии может говорить также и эпитафия периода Юань епископу, опекавшему и манихейские, и христианские общины одновременно³¹.

Проблема причин упадка и исчезновения

Исследователи крайне редко задаются вопросом о причинах упадка цзинцзяо и его дальнейшей судьбе, равно как и в целом о неудачах христианской миссии. Обычно причину упадка видят в гонениях на буддизм (затронувших также христиан, манихеев и зороастрийцев) в период правления У-цзуна, после которых цзинцзяо так и не смогло оправиться и восстановить свой прежний статус и постепенно сошло с исторической сцены. Тем не менее нам представляется, что причины упадка были несколько иными и «гонения годов Хуэй-чан» выступили в качестве только одного из факторов и отнюдь не решающего. Среди исследователей принято считать, что приход цзинцзяо в Китай был санкционирован кем-то из тогдашних сирийских католиков, однако документальных подтверждений такой инициативы в сирийских церковно-исторических документах нет. Упоминания о митрополии Бет Синайе (китайцев) у Тимофея I, считающегося одним из реформаторов миссионерской активности Церкви Востока, носят эпизодический и скорее проходной характер. Так, в одном из писем сообщается (походя, между прочим) о преставлении митрополита Бет Синайе, при этом имени этого митрополита не упоминается. Аналогичные сведения не проливают свет на то, кем были митрополиты этой митрополии и где, собственно говоря, она располагалась — на ираноязычной территории вдоль Шелкового пути или в самом Китае. Источники по церковному праву того периода сообщают, что поставление митрополитов могло осуществляться в их отсутствие в силу далекого расстояния и труднодоступности; тот же источник непрямо сообщает о коррумпированности претендентов на митрополичье место, что может многое объяснить. Разумеется, Бет Синайе могла существовать, вопрос в другом: что это было и где она находилась. Имела ли эта митрополия возможности и средства подготавливать и рукополагать необходимое число священнослужителей, обеспечивать их необходимыми принадлежностями для богослужения, иными словами — осуществлять попечение вверенной областью? Не была ли Бет Синайе отчасти

³⁰ См., напр.: *Secunda, Sh. The Iranian Talmud: Reading the Bavli in Its Sasanian Context*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 256 p.

³¹ Подробнее об эпитафии см.: Алексанян А.Г. Манихейство в Китае: (опыт историко-философского исследования). М.: ИДВ РАН, 2008. 164 с.

фикцией, предоставляемой католику, который мог получать информацию о ней от людей, заинтересованных в создании видимости успешной миссионерской деятельности «даже до крайняя земли»? И не была ли Бет Синае просто синекурой, если учесть сообщения источников о коррумпированности высшего клира; этому могли способствовать и тесные связи с согдийским купечеством, которое по каким-либо причинам могло хотеть ограничения деятельности христианских общин.

Так или иначе, но ни китайские тексты *цзинцзяо*, содержащие имена и титулы высшего духовенства (правда, адаптированные под буддийско-даосскую терминологию), ни сирийские источники ничего не сообщают о митрополии Бет Синае или о ее руководителях. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что упадок или закат христианства в танском Китае мог быть связан с разрывом связей с митрополиями (на территории Ирана или Шелкового пути) и отсутствием должного попечения со стороны самой церкви. Весьма любопытна и примечательна история из Жития Иоанна Дайламского, иллюстрирующая сопротивление со стороны сирийской церкви переводам священного писания и основных богослужебных книг с сирийского языка на национальные, в данном случае — среднеиранские; можно предположить, что сирийское духовенство опасалось чрезмерной самостоятельности ираноязычных (и китайских?) общин, а также возникновения ересей³². Кроме того, определенную роль могла сыграть и достаточно интенсивная инкультурация в китайское пространство и симбиотические отношения с манихейством, уже довольно долго и успешно эту инкультурацию осуществлявшим. Поэтому неудивительно, что с утратой попечения митрополии, разрывом связей и, по сути, постепенным изменением своей конфессиональной идентичности, *цзинцзяо* понемногу могло либо растворяться в народных околобуддийских и околодаосских течениях, либо влилось в какое-либо синкретическое учение, каковые во множестве стали возникать в позднетанский период. Все это, разумеется, предположения, требующие материальных и документальных доказательств. Тем не менее очевидно, что не следует сливать (и тем более видеть преемственность) *цзинцзяо* с более поздним, эпохи Юань, христианством, известным в истории как *еликэвэнь* (也里可溫教), поскольку у нас нет никаких свидетельств о взаимодействии и преемственности, тем более что *еликэвэнь*, на наш взгляд, не оставило китайских письменных памятников, аналогичных дунхуанским текстам *цзинцзяо*. Те же, что дошли до нас, носят главным образом эпиграфический характер и написаны на тюркском и сирийском языках (нередко с ошибками, показывающими, что сирийский уже не был понятен большей части верующих и низшего клира). Откуда и название в науке этих языков — сиро-тюркские³³.

* * *

Как видно из всего вышеизложенного, ситуация в сфере изучения феномена танского христианства-*цзинцзяо* носит неоднозначный характер. С одной стороны, достигнут несомненный прогресс, выражающийся в междисциплинарном подходе (что, конечно, обогащает сотрудничающие дисциплины), в более критичном взгляде на уже, казалось бы, устоявшиеся теории («модель Саэки»), в пересмотре и дополнении многих текстологических и источниковедческих вопросов, а также в публикации исследований и переводов, ориентированных на более широкий круг специалистов, нежели это было в

³² См., в частности: Johnson S.F. Silk Road Christians and translation of culture in Tang China // *Studies in Church History*. 2017. No. 53. Pp. 15–38. DOI: 10.1017/stc.2016.3

³³ Описание особенностей языка подобных надписей см.: Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (не-сториянских) памятников Киргизии. Фрунзе: Илим, 1971. 162 с. Также: Dickens M. *Echoes of Forgotten Presence. Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2020. 384 p.

предыдущие периоды. С другой — немалое число исследователей-некитаистов по-прежнему ориентированы на устаревшие и во многом ошибочные работы ранних исследователей феномена *цзинцзяо* (того же Саэки), что, возможно, объясняется динамическим, развивающимся характером современного этапа синологических исследований танского христианства, отсутствием единой картины и однозначных выводов, их спорностью и недостатком терминологической унификации (что вовсе неудивительно, учитывая фрагментарность как источников, так и данных). Тем не менее ситуация все же изменяется в лучшую сторону. Хочется искренне надеяться на то, что сфера изучения христианства-*цзинцзяо* привлечет к себе большее внимание отечественных китаистов, позволит российской синологии внести свой вклад в эту интересную область исследований и занять в ней достойное место.

Литература

- Алексанян А.Г. Манихейство в Китае: (опыт историко-философского исследования). М.: ИДВ РАН, 2008. 164 с.
- Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе: Илим, 1971. 162 с.
- Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // *Палестинский сборник*. 1978. № 26 (89). С. 76–85.
- Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: ИДВ РАН, 2002. 446 с.
- Abramson Marc S. *Ethnic Identity in Tang China*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. 288 p.
- Deeg M. *Die Strahlende Lehre. Die Stele von Xi'an*. Wien: LIT Verlag, 2018. 299 p.
- Dickens M. *Echoes of Forgotten Presence. Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2020. 384 p.
- Di Cosmo, Nicola, Maas, Michael (eds.). *Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity*. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 520 p.
- Ge Chengyong, Nicolini-Zani, M. The Christian Faith of a Sogdian Family in Chang'an during the Tang Dynasty // *AION*. 2004. No. 64 (1–4). Pp. 182–196.
- Johnson S.F. Silk Road Christians and translation of culture in Tang China // *Studies in Church History*. 2017. No. 53. Pp. 15–38. DOI: 10.1017/sc.2016.3
- Li Tang. *A Study of the History of Nestorian Christianity in China and Its Literature in Chinese*. Together with a New English Translation of the Dunhuang Nestorian Documents. Peter Lang, 2002. 230 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.). *From the Oxus River to the Chinese Shores. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2013. 472 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.). *Winds of Jingjiao. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2016. 443 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.). *Artifact, Text, Context. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2020. 275 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.). *Silk Road Traces. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. Wien: LIT Verlag, 2022. 423 p.
- Mikkelsen Gunner B. *Dictionary of Manichaean texts: Vol. III. Texts from Central Asia and China. Part 4: Dictionary of Manichaean Texts in Chinese*. Brepols, 2006. 193 p.
- Nicolini-Zani M. *The Luminous Way to the East. Texts and History of the First Encounter of Christianity with China*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 399 p.
- Riboud P. *Réflexion sur les pratiques religieuses désignées sous le nom de xian 祆 // E. de La Vaissière, E. Trombert (eds.). Les Sogdiens en Chine*. Paris: EFEO, 2005. Pp. 73–93.
- Secunda Sh. *The Iranian Talmud: Reading the Bavli in Its Sasanian Context*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 256 p.
- Standaert N. (ed.). *Handbook of Christianity on China. Vol.1: 635–1800*. Leiden-Boston-Köln: Brill, 2001. 952 p.
- Sun Jianqiang. The Earliest Statements of Christian Faith in China? A Critique of the Conventional Chronology of the *Messiah Sutra* and *On One God* // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2018. No. 18 (2). P.133–152. DOI: 10.21866/esjeas. 2018.18.2.001

- Zhu Qingzhi, Li Bohan. The language of Chinese Buddhism. From the perspective of Chinese historical linguistics // *International Journal of Chinese Linguistics*. 2018. No. 5 (1). Pp. 1–32. DOI: 10.1075/ijchl.17010.zhu
- 王兰平: 唐代敦煌汉文景教写经研究 [Ван Ланьпин. Исследования дуньхуанских христианских письменных текстов китайского письма]. 北京: 人民出版社, 2016年. 357页.
- 翁绍军: 汉语景教文典诠释 [Вэн Шаоцзюнь. Комментированный перевод китайских текстов цзинцзяо]. 北京: 生活·读书·新知三联书店出版, 1996年. 215页.
- 林悟殊: 唐代景教再研究 [Линь Ушу. Новые исследования цзинцзяо танской эпохи]. 北京: 中国社会科学出版社, 2003年. 405页.
- 林悟殊: 中古三夷教辩证 [Линь Ушу. Изыскания и исследования о трех варварских учения средневековья]. 北京: 中华书局, 2005年. 479页.
- 唐长孺: 魏晋南北朝隋唐史三论 [Тан Чанжу. Три очерка по истории эпох Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий, Суй и Тан]. 武汉大学出版社, 1992年. 498页.
- 朱谦之: 中国景教: 中国古代基督教研究 [Чжу Цяньчжи. Китайское христианство-цзинцзяо: исследование по древнему христианству в Китае]. 北京: 人民出版社, 1993年. 264页.

Christianity in Tang China: Texts and People

Armen G. Alexanyan

Ph.D. (Philosophy), Leading Researcher, Center for Cultural Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–7855–9651. E-mail: armengurgen@gmail.com

Received 11.06.2024.

Abstract:

Christianity-*jingjiao* along with Manichaeism and Zoroastrianism is one of the so-called ‘three barbarian teachings’ *san yi jiao*, which were introduced in mediaeval China almost simultaneously. All three teachings were able to adapt to the Chinese cultural and socio-political milieu and became part of the Chinese religious and cultural landscape. The fragmentary character of the Chinese *jingjiao* documents, which were found in Dunhuang, and a very obscure social and political status of this doctrine, however, make it very complicated and difficult to reconstruct the place of *jingjiao* in mediaeval Chinese society as much as its ideological and doctrinal features because of the vast absorption of the Taoist and Buddhist elements.

Such an obscure and very ‘fuzzy’ character of this teaching makes its impact on studies resulting in highly improbable and erroneous conclusions. In this paper, an attempt has been made to classify periodically the steps in the studies of the Tang China *jingjiao* phenomenon, highlighting three basic periods in it, to characterize each of them and to single out the most important authors and their works and to pose or re-formulate some questions, which can appear in the process of the investigation of this problematic religious teaching, e.g. linguistic and philological problems, including textological and palaeographical ones; problems of historical context, given the wide cultural and political aspects of Tang China’s connections with Sasanian Iran and Silk Road states; questions of ethnic and religious identity, which seems to be very ambiguous matter; problems of decline and disappearance of *jingjiao* in later period.

Key words:

Christianity in China, Tang dynasty, Dunhuang manuscripts, Jingjiao, source studies.

For citation:

Alexanyan A.G. Christianity in Tang China: Texts and People // *Far Eastern Affairs*. 2024. No. 3. Pp. 161–176. DOI: 10.31857/S0131281224030111.

References

- Abramson Marc S. *Ethnic Identity in Tang China*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. 288 p.
- Aleksanyan A.G. *Manihejstvo v Kitae: (opyt istoriko-filosofskogo issledovaniya)* [The Manichaeism in China: historico-philosophical Approach]. M.: IDV RAN, 2008. 164 s. (In Russ.)
- Deeg M. *Die Strahlende Lehre. Die Stele von Xi'an*. Wien: LIT Verlag, 2018. 299 p.
- Di Cosmo, Nicola, Maas, Michael (eds.). *Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity*. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 520 p.

- Dickens M.* Echoes of Forgotten Presence. Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia. Wien: LIT Verlag, 2020. 384 p.
- Dzhumagulov CH.* Yazyk siro-tyurkskih (nestorianskih) pamyatnikov Kirgizii [Language of syro-turkic (Nestorian) Inscriptions]. Frunze: Ilim, 1971. 162 s. (In Russ.)
- Ge Chengyong, Nicolini-Zani, M.* The Christian Faith of a Sogdian Family in Chang'an during the Tang Dynasty. *AION*. 2004. No. 64 (1–4). Pp. 182–196.
- Johnson S.F.* Silk Road Christians and translation of culture in Tang China. *Studies in Church History*. 2017. No. 53. P.15–38. DOI: 10.1017/stc.2016.3
- Kychanov E.I.* Sirijskoe nestorianstvo v Kitae i Central'noj Azii [Syriac Christianity in China and Central Asia]. *Palestinskij sbornik*. 1978. No. 26 (89). S. 76–85. (In Russ.)
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.).* Artifact, Text, Context. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. Wien: LIT Verlag, 2020. 275 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.).* From the Oxus River to the Chinese Shores. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. Wien: LIT Verlag, 2013. 472 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.).* Silk Road Traces. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. Wien: LIT Verlag, 2022. 423 p.
- Li Tang, Dietmar W. Winkler (eds.).* Winds of Jingjiao. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. Wien: LIT Verlag, 2016. 443 p.
- Li Tang.* A Study of the History of Nestorian Christianity in China and Its Literature in Chinese. Together with a New English Translation of the Dunhuang Nestorian Documents. Peter Lang, 2002. 230 p.
- Lomanov A.V.* Hristianstvo i kitajskaya kul'tura [Christianity and Chinese Culture]. M.: IDV RAN, 2002. 446 s. (In Russ.)
- Mikkelsen Gunner B.* Dictionary of Manichaean texts: Vol. III. Texts from Central Asia and China. Part 4: Dictionary of Manichaean Texts in Chinese. Brepols, 2006. 193 p.
- Nicolini-Zani M.* The Luminous Way to the East. Texts and History of the First Encounter of Christianity with China. Oxford: Oxford University Press, 2022. 399 p.
- Riboud P.* Réflexion sur les pratiques religieuses désignées sous le nom de xian 祆. *E. de La Vaissière, E. Trombert (eds.).* Les Sogdiens en Chine. Paris: EFEO, 2005. Pp. 73–93.
- Secunda Sh.* The Iranian Talmud: Reading the Bavli in Its Sasanian Context. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 256 p.
- Standaert N. (ed.).* Handbook of Christianity on China. Vol.1: 635–1800. Leiden-Boston-Köln: Brill, 2001. 952 p.
- Sun Jianqiang.* The Earliest Statements of Christian Faith in China? A Critique of the Conventional Chronology of the *Messiah Sutra* and *On One God*. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2018. No. 18 (2). Pp. 133–152. DOI: 10.21866/esjeas. 2018.18.2.001
- Zhu Qingzhi, Li Bohan.* The language of Chinese Buddhism. From the perspective of Chinese historical linguistics. *International Journal of Chinese Linguistics*. 2018. No. 5 (1). Pp. 1–32. DOI: 10.1075/ijchl.17010.zhu
- 王兰平: 唐代敦煌汉文景教写经研究 [*Wang Lanpin.* Reaserch into written Chinese Dunhuang Jingjiao Texts.]. 北京: 人民出版社, 2016年. 357页. (In Chin.)
- 翁绍军: 汉语景教文典诠释 [*Weng Shaojun.* Chinese Jingjiao Texts: translated with commentary]. 北京: 生活·读书·新知三联书店出版, 1996年. 215页. (In Chin.)
- 林悟殊: 唐代景教再研究 [*Lin Wushu.* New investigations of Tang Christianity]. 北京: 中国社会科学出版社, 2003年. 405页. (In Chin.)
- 林悟殊: 中古三夷教辩证 [*Lin Wushu.* Investigation and Research of 'three Barbarian Teachings']. 北京: 中华书局, 2005年. 479页. (In Chin.)
- 唐长孺: 魏晋南北朝隋唐史三论 [*Tang Changru.* Three essays on the history of Wei, Jin, Southern and Northern dynasties, Sui and Tang]. 武汉大学出版社, 1992年. 498页. (In Chin.)
- 朱谦之: 中国景教: 中国古代基督教研究 [*Zhu Qianzhi.* Chinese Jingjiao: Investigations of Christianity in Mediaeval China]. 北京: 人民出版社, 1993年. 264页. (In Chin.)